

ВСТРЕЧА СО СТАРЫМ ДРУГОМ

НА ВЫСТАВКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. ЖУКОВА

Сложное чувство довелось мне испытать, когда шел я на выставку произведений художника Николая Жукова, открытую в залах Академии художеств и посвященную его семидесятилетию. Волновался, будто иду на свидание со старым другом, которого не видел несколько лет. Волновался, но не чаял увидеть что-либо новое, ибо был уверен, что давно уже знаю все работы художника, с которым дружил еще с военной поры.

И вот встреча состоялась. Теперь, обдумывая то, что довелось увидеть, никак не могу избавиться от ощущения, что познакомился с каким-то новым Жуковым, какого до конца не знал.

Работа этого выдающегося мастера необыкновенно популярна. Он входит в жизнь советских ребят через рисунки, воспроизведенные в учебниках, через графические листы, висящие на школьных стенах и в пионерских комнатах, да так с тех пор и проходит с человеком через всю жизнь, через все возрасты, причем каждый возраст находит для себя в его работах что-то свое, этому возрасту присущее, но ранее не замеченное. Вот это чувство узнавания нового Жукова я и испытал, осматривая хоть и не очень обширную, но умно и точно подобранную выставку, на которой многообразное творчество художника, неутомимого, трудолюбивого, жадного до жизни мастера, как бы разом открылось во всех своих гранях.

Сколько графических листов, картонов, портретов, сколько плакатов, книжных иллюстраций, сколько тончайших акварелей оставил этот неутомимый человек! И вот сейчас на выставке, где представлены лучшие образцы его творчества, стало возможным увидеть этого художника во весь рост. Он вкладывал в любую свою работу, даже в ту, что он делал срочно, для газеты, свою душу, свою мечту, свой характер, свое ощущение жизни. Вероятно, поэтому при обзоре выставки столь ощутимо встает перед глазами и образ создателя всех этих работ — чрезвычайно активного, веселого, вдумчивого и целеустремленного мастера, заинтересованно смотрящего на жизнь широко раскрытыми, добрыми и мудрыми глазами истинного коммуниста, мастера, которому интересно и дорого все то хорошее, что заложено в человеческой натуре.

Мы познакомились с ним на войне. Он был среди тех деятелей культуры, которые яростно сражались с оккупантами силой своего профессионального мастерства. Он нес военную службу, и из-под его пера карандаша выходили газетные и книжные иллюстрации, зарисовки, листовки и плакаты. Он был художником-солдатом в полном смысле этого слова, и он был также и командиром, возглавляя как художественный руководитель Студию имени М. Б. Грекова. Так он и дошел до Берлина, завершив войну зарисовками, сделанными на улицах столицы павшего фашистского рейха. Люди моего поколения, вдоволь повоевавшие, знающие войну не по телевизионным торопливым сериалам, с неподдельным волнением, сосредоточенно и молча рассматривают на выставке военные работы Жукова. Выражение лиц зрителей у этих стендов просто меня поразило. Человек с седой головой надолго застывает около какого-нибудь, казалось бы, и незатейливого рисунка или плаката. Сосредоточенно, молча рассматривает. Уходит, снова возвращается, снова задумчиво разглядывает то, на что уже смотрел, и ясно, что в этом созерцании он вспоминает свое, пережитое, дорогое, обдумывает свою жизнь...

Было вполне логично, даже закономерно, что этот неутомимый художник-солдат после войны был командирован в немецкий город Нюрнберг, где

победившие народы судили главных преступников второй мировой войны. После фронта мы снова встретились с Жуковым в залах Международного военного трибунала. И здесь он не расставался со своей рабочей папкой, с карандашами. На заседаниях сидел молча, не сводя глаз с преступников, которых мы все хорошо знали и помнили по карикатурам Бориса Ефимова, Кукрыниксов, Ротова.

Признаюсь, вид этих Злодеев, злодеев с большой буквы, поначалу меня даже удивил.

Борис ПОЛЕВОЙ,
Герой Социалистического Труда

На первый взгляд, это были весьма уважаемые господа: военные с отличной выправкой и благородными профилями, почтенные бюргеры, отцы семейств. Но стоило мне увидеть листы в рабочей папке Николая Жукова, как этот внешний лоск подсудимых сразу исчез. Сохраняя с большой степенью точности их внешности, художник сумел извлечь, вытащить откуда-то из душевных глубин истинную сущность всех этих господ, сорвать с них маски обыденной благопристойности. Тут я как бы и постиг силу и зоркость жуковского глаза: в зале суда ничего не изменилось, подсудимые так же сидели чинными рядами, но я уже видел и внешне их истинный облик, их сущность, видел их такими, какими их запечатлел карандаш художника, такими, какими их видит сейчас посетитель выставки в рисунках, посвященных Нюрнбергскому процессу.

Он был необычайно жаден к жизни, Николай Жуков. Он много ездил и по стране, и за границей со своими выставками. Но эти его поездки совсем не походили на поездки маститого мэтра, отправившегося принимать восторги публики, аплодисменты, букеты цветов. Это всегда были рабочие поездки мастера-труженика: папочка с аккуратно нарезанными листами бумаги в кармане, остро отточенные карандаши, бритвенные лезвия, чтобы удалять неточные штрихи на эскизах. Рабочий инструмент мастера, не желавшего, чтобы минута пропала даром.

И из каждой такой поездки привозил он пачки эскизов, новые зарисовки, портреты, даже картины. Уломают домашние летом выехать на дачу — возвращается с папкой акварелей: цветы, наброски детских головок. Поехал в Чехословакию, в Карловы Вары, поехал лечиться — вернулся с зарисовками городских и сельских пейзажей, жанровых сцен. С эскизами иллюстраций к книге Юлиуса Фучика «Репортаж с петлей на шее», которые уже дома превратились в серию отличных рисунков. Эти иллюстра-

ции к знаменитой книге стали одной из ярких страниц в биографии самого Жукова.

— Никто, кроме Швабинского, не сумел так проиллюстрировать книгу Юлека, как Жуков, — говорила, просматривая эти иллюстрации, Густа Фучикова, сама являющаяся одним из действующих лиц этой книги. — Но Швабинский чех, а Жуков иностранец. Как глубоко умеет он копать жизнь, этот наш мастер!

Слово «копать» звучало не совсем по-русски, но было очень точным в определении

сути и секрета жуковского мастерства.

И еще пример этого его умения углубляться в жизнь, даже чужую, незнакомую. Поехал в Италию провести отпуск — вернулся с серией портретов итальянских партизан. Отличная серия. Она была издана и очень высоко оценена в Италии. Сенатор Карло Леви — писатель и художник, хороший художник, сделавший отличные портреты Твардовского, Эренбурга, говорил мне об этих портретах:

— Русский мастер сделал то, что должны были сделать мы, итальянцы. Давно должны были сделать, но еще не сделали. Может быть, это и закономерно — у вас ведь так высоко ценится героизм... Эти самые партизаны, сражаясь в горах на нашем севере, пели вашу песню «Катюша». Русский художник лишь отдал им долг...

Так вот, переходя на выставку из зала в зал, осматривая стенды, на которых отобрано все лучшее, что создал мастер, наблюдая живую реакцию зрителей, как-то по-новому обдумываешь и творчество, и жизнь мастера.

Но особенно, конечно, привлекают, заинтересовывают, подолгу задерживают посетителей стенды, на которых сгруппированы листы и картоны жуковской Ленинианы. Воссоздать образ Ленина было его самой заветной мечтой, которую он поверял нам, военным корреспондентам, еще на Калининском фронте, еще в первую, лихую военную зиму. После войны он сразу же взялся за осуществление этой идеи и не расставался с ней, с этой самой большой своей художественной идеей, до последнего своего дня.

Мы вместе с ним делали книгу «Наш Ленин», выступая в ней как полноправные соавторы. Для меня эта книга была самой трудной из всех, какие я написал. Жуков работал над ленинской темой без малого четверть века. В годы нашей совместной работы я имел полную возможность наблюдать, с какой любовью, тща-

тельностью и ответственностью трудился художник. Месяцами сидел в ИМЭЛЭ, изучая ленинские документы, делая выписки, снова и снова прокручивал эпизоды кинохроники, с лупой разглядывал фотографии. Перезнакомился, даже подружился со многими ветеранами революции, знавшими Ленина, работавшими с ним или хотя бы видевшими его, слышавшими его выступления.

Мне не забыть встречи Жукова с одним из близких Владимиру Ильичу людей — В. Д. Бонч-Бруевичем. Он принял художника как доброго знакомого, усадил нас в кресла, предложил чаю, который в его доме пили по-старинному, с самоваром, лениво кипевшим на столе. Жуков, обжигаясь, глотал чай — ему не терпелось показать новую серию ленинских рисунков, которую он принес сюда «на суд».

Кое-как одолел стакан чаю и быстро разложил картоны на полу: Бонч-Бруевич обладал старческой дальновзоркостью, и так ему было удобнее, как он говорил, «изучать». Он неторопливо переходил от одного рисунка к другому, иногда возвращаясь к заинтересовавшему его листу. Художник взволнованно следил за ним, за выражением его лица, стараясь угадать впечатление, произведенное той или другой работой.

С полчас продолжалось это молчаливое «изучение». Лишь потом хозяин дома сел в кресло и, откашлявшись, заговорил:

— Неплохо. Кое-что совсем неплохо... Вот на том и на этом листе Ильич живой, совсем живой. И здесь, и здесь метко схвачен. А вот на этих листах, — он указал на несколько работ, — здесь, извините, голубчик мой, здесь Ильича нет. Нет, тут вы пошли по стандарту, шли не от сути, а от внешних условностей... Ильич, он был сама простота, а здесь он словно позирует у фотографа. Здесь вот этот жест — рука выброшена вперед и вверх — не ленинский жест. Ильич никогда не принимал такой театральной позы. Его любимый жест — это рука от себя, он как бы отдает слова собеседнику, слушателю... И общился. А в общем-то хорошо, поздравляю с удачей, голубчик мой. Доброе дело вы делаете, уважаемый Николай Николаевич!

Мне очень запомнилась эта беседа, имевшая немалое значение для продолжения жуковской Ленинианы. Рисунки, покрываемые ветераном партии, хотя они были уже закончены и, на мой взгляд, совсем неплохи, мне потом не пришлось видеть ни в репродукциях, ни на выставках. Взыскательный художник, видимо, их уничтожил.

Так в многолетней работе — упорной, углубленной, в работе, от которой никто и ничто не могло художника отвлечь, и родилась эта столь широко известная теперь Лениниана, которая и на нынешней выставке правомерно занимает центральное место. Здесь самый посещаемый уголок выставки. Здесь люди и пожилые, и молодые задерживаются дольше всего. Здесь, у этих стендов, можно слышать разговоры:

— Он же Ленина видеть не мог. Как это ему удалось так нарисовать!..

— Живой Ленин, ну просто живой!..

Я давно уже знаю все, что создал Николай Жуков. Мне знакомы все его картоны и листы. И все же, посетив эту выставку, я ушел с ощущением, что мастер, которого нет с нами вот уже более пяти лет, продолжает жить и работать, и продолжает расти его давно уже признанное мастерство.

Мастер продолжает жить в своих произведениях.

© Николай Жуков за работой.

Фото Л. Иванова.

